

«Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований»¹

Археологические микрорайоны — проблема, затрагивающая практически все стороны археологических исследований, каждый археолог встречается с ней при работе с источниками. Поэтому тема рецензируемой монографии актуальна, а её результаты необходимы специалистам, занимающимся историей освоения территорий, для дальнейшего теоретического анализа и практического применения.

Работа состоит из введения, шести глав и иллюстративного приложения. Во введении исследователи раскрыли этапы становления и развития проблематики археологических микрорайонов (АМР) Западной Сибири на базе Омского государственного университета и Омского филиала Объединённого института истории, филологии и философии СО РАН. Как следует из приведённых документальных свидетельств, постановка проблемы АМР — ответ на вызов времени: археологические исследования требовали новых подходов к переосмыслению большого объёма накопившихся источников и дальнейших методологических разработок. Следует отметить, что к обсуждению проблемы археологических микрорайонов омские археологи привлекли большой круг исследователей, в первую очередь молодых, что положительно сказалось на распространении идей об АМР на широкой территории (Южная, Восточная, Западная Сибирь, Урал).

Глава 1 «Концепция изучения археологических микрорайонов и её развитие в XX — начале XXI в.» представляет читателям общеисторический контекст развития теории археологических микрорайонов. Это первая попытка российских исследователей на современном этапе понять и описать формирование узловых моментов данного научного направления. Нужно отметить, что попытка оказалась удачной. Авторы не ограничились механическим перечислением фактов и фамилий учёных, а сумели проследить сложный процесс осмысления проблемы, показывая многие болевые точки понятийно-методологических «недорасшифровок» и «недоформулировок». Основной задачей авторов являлось доказательство (определение) статуса археологических микрорайонов как нового исследовательского уровня в российской археологии. Внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на западносибирском регионе, с которым они связаны многолетними археологическими изысканиями.

Однако как специалист по проблемам дальневосточной археологии, в том числе способам и этапам освоения указанной территории, считаю необходимым сделать следующую ремарку. При чтении материалов Генерального штаба России, касающихся освоения дальневосточных земель в XVIII—XIX вв. и знакомстве с системой подготовки военных кадров, становится понятно, что методы изучения территорий были в то время хорошо продуманы, научно сформулированы и применялись военной наукой на практике, для чего имелся корпус специально и многосторонне подготовленных людей. В эти методы входил такой исследовательский подход, как выявление и анализ этнографических микрорайонов (хотя эти термины тогда не использовались). Особенно наглядно это проявлялось в исследованиях В.К. Арсеньева, увязывавшего всю систему связей населённых пунктов не только современных для того времени, но

¹ Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А. Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. Омск: Изд. дом «Наука», 2011. 196 с.

и археологических, фиксировавшего остатки древних путей сообщения, комплексы поселений и пр. В археологической практике микрорайоны на дальневосточной территории изучал А.П. Окладников, выявляя для отдельных зон «кусты» памятников различных культур. Но поскольку для А.П. Окладникова первоочередной задачей было создание периодизации археологических культур Дальнего Востока, т.к. эта территория была «белым пятном» на археологической карте СССР, то естественно, что археологическое микрорайонирование входило в задачу исследователя и по мере возможности осуществлялось. В рамках археологических микрорайонов Дальнего Востока работал В.И. Дьяков, выделяя археологические анклавы для эпохи мезолита Приморья, базирующиеся на использовании сырья и природно-географических условиях. Кроме того, этим же исследователем северо-восточное Приморье определялось как «сихотэ-алиньский мешок», формирующий специфику археологических культур эпохи неолита и бронзы. Из-за отсутствия соответствующей литературы авторы монографии вынуждены были практически «не заметить» Дальний Восток.

Рецензируемая работа впервые в отечественной науке предлагает специалистам для широкого обсуждения основные направления археологического микрорайонирования. Следует признать своевременным и важным для обоснования археологических микрорайонов как археологической исследовательской категории подведение методологического итога: выделение типов АМР, методика их изучения, определение термина АМР, проблемы изучения АМР, структура и иерархия АМР, возможности и использование АМР. Естественно, эта проблема далека от окончательного решения, но основные параметры и понятийный аппарат созданы и имеют перспективу развития.

Глава 2 «Культурно-хронологические комплексы и проблемы изучения археологических микрорайонов Западной Сибири» имеет принципиальное значение, поскольку вводит основные теоретические формулировки археологического микрорайона и археологического памятника. Авторы предлагают понимать под АМР «...изучение не столько памятников, сколько связей между ними, всего пространства в целом, составляющего археологический микрорайон» и считают такой подход наиболее перспективным, указывая, что именно это «...имел в виду В.И. Матюшенко, выделяя так называемый микрорайон рассеянного типа» (с. 49). Основная часть главы посвящена практическому анализу и осмыслению связей между объектами различных категорий с упором на исследование культурно-хронологических комплексов в составе археологических микрорайонов Западной Сибири. Действительно, трудно не согласиться с исследователем в том, что «...в отношении изучения микрорайонов, как и в изучении археологических культур, основное значение имеет культурно-хронологический комплекс» (с. 53). Следует отметить, что при анализе проблемы и материала авторы строго придерживаются академической научной этики, всегда указывая, кем и когда впервые было высказано или сформулировано то или иное положение. Основным материалом для исследователя послужила археологическая керамика, позволяющая реконструировать социокультурные процессы. Раздел написан лаконичным, ясным языком.

Глава 3 «Керамика в археологической культуре и в АМР (по материалам эпохи бронзы Нижнетарского АМР)». Следует сразу отметить, что в таком ракурсе и в предложенной формулировке задачи исследования керамики как главного этнокультурного индикатора в АМР в отечественной археологии ставятся нечасто. Тем более что в этом разделе авторы сумели показать «феномен отдельной археологической культуры в рамках АМР». По сути дела, специали-

стам долго было неясно, как и каким способом разграничить эти категории — АК и АМР, чтобы они работали, а не отрицали друг друга. Причём положительный результат был достигнут не на базе умозаключений, а на практике — при анализе самого массового материала — керамики. Естественно, что авторы опирались на добротные разработки всех специалистов, исследовавших Западную Сибирь, в частности на памятники Нижнетарского АМР, что позволило исследователям сделать серьёзные хронологические построения и проследить этапы заселения территории разными этнокультурными группами, а также определить контактные зоны. Как специалист, длительное время занимавшийся изучением дальневосточной керамики, отмечу, что выводы авторов звучали бы ещё убедительнее, будучи подкрепленными результатами технико-технологического анализа. В данном случае для исследования автор использовал преимущественно орнамент (и блестяще справился со своей задачей), но, как известно, орнамент можно копировать и заимствовать, а приёмы лепки передаются по наследству или от мастера к ученикам. В отечественной историографии это направление начинал развивать М. В. Воеводский, хорошую методичку, не устаревшую и сегодня, предложил А. И. Августинник; подробный анализ славянского гончарного ремесла выполнили Б. А. Рыбаков и А. А. Бобринский, серьёзный методологический вклад внёс П. М. Кожин. В настоящее время акцент в исследовании керамики смещается в сторону формального анализа и моделирования, что не всегда обеспечивает объективный результат.

Глава 4 «Использование данных этнографии в исследовании Археологических микрорайонов» относится к принципиальным разделам монографии, так как в археологических реконструкциях этнографические свидетельства имеют первостепенное значение и именно ими проверяется достоверность или степень доказательности построений. Автору удалось корректно использовать археолого-этнографические сопоставления при освещении погребального обряда, поселений и жилищ, хозяйства. Особенно чётко описаны и объяснены особенности погребального обряда сибирских татар XVI—XVIII вв., в частности такого сакрального момента, как переход из «мира живых» в «мир мёртвых». Всё это позволило исследователю сделать объективное заключение о многокомпонентности хозяйства сибирских татар, позволявшего выживать в разных природно-экологических условиях.

Проблематика главы 5 «Археологический микрорайон и изучение социальных аспектов культуры древних обществ» относится к важным, но достаточно сложным и уязвимым для критики в методологическом отношении построениям. Тем более что звучит она в контексте АМР: это значительно усложняет решение поставленной задачи. Но эксперимент авторов можно признать удачным и перспективным. Раздел построен классически: текст предварён историей исследования памятников Еловского АМР и его окружения с выделением особенностей расположения позднебронзовых памятников Приобья, со специальным акцентом на полевых исследованиях В. И. Матющенко. Основным положением автора раздела является доказательство существования Еловского АМР на основании территориальной компактности, культурно-хронологического развития и реконструкции социальных аспектов по демографическим и хозяйственным. Автору удалось выделить и обосновать три группы различных по социальному статусу погребённых, а также заметить, что кремации применялись к людям, чем-то отличавшимся от соплеменников. На мой взгляд, это верное наблюдение, так как оно прямо связано с изменениями в мировоззрении живших в то время людей.

Глава 6 «Археологический памятник в структуре АМР (на примере поселенческого комплекса Надеждинка IV/V)» является самостоятельным разделом коллективной монографии, в котором на примере Нижнетарского АМР подводятся теоретические и практические итоги анализа АМР. Данный микрорайон чрезвычайно интересен: он служил в середине II тыс. до н.э. «буферной зоной» для населения Среднего Прииртышья, в которой соприкасались два мира — степной и лесной. Автор сумел показать интенсивность контактов культур, породивших многочисленные смешения в антропологии населения, производственных и хозяйственных традициях. Значимость раздела заключается в том, что автор предпринял попытку выявить механизм и формы взаимодействия культур, особенности генезиса на примере конкретного поселенческого комплекса Надеждинка IV/V.

Важно, что данный раздел открывается характеристикой природно-географических условий Тарского Приртышья и историей археологического изучения данного региона, из которых становится понятной динамика исследований и объясняются через объективные и субъективные обстоятельства действия работавших в этой зоне исследователей. Это оживляет монографию и воссоздаёт картину прошлого в лицах, что особенно важно для последующих поколений археологов, поскольку люди уходят и вместе с ними исчезают из памяти многие факты, часто являвшиеся поворотными моментами в развитии археологии того или иного региона.

Исследование АМР в рецензируемой монографии базируется на анализе всей опубликованной и неопубликованной (если я правильно понимаю) керамике Нижнетарского АМР. Авторы попытались выстроить культурно-хронологическую характеристику (шкалу) преимущественно на орнаментальных композициях керамических изделий, подтверждённых построением граф связей элементов. Из чего следует, что на поселенческом комплексе Надеждинка IV/V проявляются две основные культурные линии — сузгунская и ирменская, образующие территориальный и культурно-хронологический горизонт в пределах Нижнетарского АМР. Специфика же АМР объяснена исследователем его периферийностью и тяготением к восточному направлению — к Барабинской степи, что и превращает, по мнению исследователя, Нижнетарский АМР в «буферную зону».

Подводя итог, можно сказать, что публикация монографии «Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований» — отрядный факт в российской археологии, выводящий науку на новый уровень. Не секрет, что постперестроечные и перестроечные времена сильно сократили аналитические и теоретические разработки в отечественной археологии, хотя начинаний было немало и большинство из них оценивались как перспективные. Но многие серьёзные теоретические достижения отечественной археологии оказались «перекрыты» кальками модных «западных технологий», зачастую применявшихся некритически. Чтобы выжить и сохранить профессию, большинству археологов приходилось заниматься хоздоговорными работами, не оставлявшими времени на необходимый анализ материала. К счастью, омской школе археологов удалось преодолеть эти трудности и продолжить начатое их учителем В.И. Матющенко дело — изучение АМР. Они достойно справились со своей задачей, используя достижения предшественников, современников и применив комплексные обоснования для выработки понятийного аппарата и методологии исследования археологических микрорайонов.

О.В. Дьякова, доктор исторических наук